

МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Некоторые избыток автохтонных интерпретаций в археологиях Новых Независимых государств, обвинительный, по преимуществу, характер оценок значения миграционных процессов в древности, заставляют вновь обратиться к этой вечной теме нашей науки. «Миграции в археологии» — так звучит постоянная рубрика журнала «Stratum plus». Постоянство такого рода вряд ли станет поводом для обвинения в тенденциозности. Во-первых, это всего лишь наименование рубрики, а во-вторых, даже при самом промиграционистском подходе к отбору статей для публикации они окажутся каплей в море господствующего автохтонизма.

Клейн Л.С.

МИГРАЦИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Klejn L. S. Migration: archaeological hallmarks. Since the time of Kossinna and early works of Breuil the revealing of ancient migrations by archaeological means proceeds largely. However the simplified method of revealing advanced by Kossinna and his pupils (on the basis of a single type of artifacts) is recently refused. After the works of Wahle, Eggers and Hachmann archaeologists have to give up the complex principle (the template criterion of the relocation of culture) either. Still there is no new system of methods how to reveal migrations on the basis of archaeological material.

Some students (Willey, Chang) came to a conclusion that for the elaboration of such methods one needed to build theory of migrations on the basis of the ethnographical material. Yet the attempt of Gjessing to build such theory was rejected by his colleagues, and Hachmann holds such theory for impossible because of the variability of migrations. He suggests to take absolutely evident archaeological situations for initial points and to hang in each case upon sound reason and archaeological analogies. In many cases, he concludes, one must simply admit the solution is impossible.

To me another way seems more prospective. A classification of real migrations fixed in history and ethnography should be put as the basis of the elaboration, and the question of archaeological hallmarks must be considered for each class of migrations separately. It should be made on the basis of analysing the structure of migration (considered as a set of typical events, typical components). The establishment of hallmarks common to a few or even to many classes cannot be excluded either.

Not always the hallmarks seem clear and unambiguous, not always one can reveal a migration by its archaeological traces, but in order to separate reliable migrations from dubious, one must formulate the validity criteria of migration. However if the material does not suffice these criteria, still it does not mean that the autochthoneity is present. To state it one needs its own criteria of validity.

1. Предисловие. Судьба этой работы странная. Я написал ее на рубеже 1972 и 73 гг. для выступления на IX Всемирном конгрессе антропологических и этнографических наук в Чикаго. Из-за нестандартности моих взглядов об участии в археологическом конгрессе мне нечего было и думать, а в этнографическом — можно было попробовать. Но и туда меня не пустили. А вот доклад взяли. И он был напечатан в Москве на русском языке как отдельная брошюра небольшим тиражом в серии докладов советской делегации — «Археологические признаки миграций» (Клейн 1973).

Конечно, доклад проходил многостепенную проверку, в ходе которой сначала мне предложили сократить количество ссылок, а потом увеличить его за счет русских ученых: оказалось слишком много иностранцев и вообще нерусских фамилий. Затем статью переводили (уж не помню, то ли на английский, то ли на французский язык) для зачитывания на конгрессе (без меня) и печатания в трудах конгресса. Однако потом, как я ни старался, кого только из зарубежных коллег ни привлекал на помощь, я не мог отыскать эту работу ни на английском, ни на французском языках. Очевидно, «бесхозные» доклады не зачитывались и не публиковались.

Остались только брошюры на русском языке

в нескольких профильных библиотеках страны. Однако и этим брошюрам не везло. С одной стороны, читательский спрос на них был очень велик, значит, они оказались нужны. Свообразным показателем полезности является то, что из библиотеки ИИМК эту брошюру просто похитили. Мой собственный экземпляр кто-то «зачитал» — взял и не вернул. Я заказал ксерокопию, но и та исчезла. С другой стороны, эту работу очень редко упоминают в печати, ссылок на нее почти нет. Вероятно, она приглянулась не теоретикам, а практикам — не для упоминания в дискурсе, а для попыток применения. Лишь двое очень уважаемых мною теоретиков как-то сказали мне, что считают ее одной из лучших моих работ. В глубине души я с ними согласен.

Впрочем, с тех пор вся разработка проблемы критериев доказанности миграций пошла в СССР и других «соцстранах» по намеченному мною пути — разделения миграций по типам. В одной важной работе о миграциях я нашел явное использование моей брошюры — в большой статье В. С. Титова «К изучению миграций бронзового века». Это был доклад Титова на теоретическом семинаре в Москве, сделанный в 1976 г. и опубликованный в 1982. Там и определение темы мое (название главы у него: «Об археологических признаках миграций»), и спи-

сок критериев тот, который сформулировал я, и с теми же своеобразными обозначениями критериев (территориальный, хронологический, локальности), и увязка критериев с типами миграций продельвается, что я и предлагал. То есть у Титова представлена развернутая реализация моей программы. Но нет даже упоминания моего имени. Это понятно: сборник подписан к печати в декабре 1981 г. — к тому времени я уже более полугодом находился в тюрьме, участие КГБ в моем деле ни для кого не было секретом, и отовсюду ссылки на меня аккуратно вычеркивались. Это тоже способствовало забвению моей работы.

Теперь она мало известна и почти недоступна большинству специалистов. Поэтому я очень обрадовался предложению журнала «Стратум» опубликовать ее повторно, так сказать вторым изданием, и занялся подготовкой ее к печати. Однако поскольку нет теперь ни цензурных ограничений, ни соображений «проходимости», я не стал делать точную копию, а предпринял восстановление первоначального текста по черновикам, внося в публикацию всё, что вычеркнуто. Кроме того я пополнил литературные данные, умножил примеры — как-никак прошла четверть века. Но основа работы осталась без изменения.

Тех, кто удивится обилию ссылок на старые работы, я прошу всё же не забывать, что эта основа заложена четверть века тому назад. В тех случаях, когда такие работы приводятся как иллюстрации, как примеры реализации той или иной модели, не так уж важно, когда они написаны. Более современные примеры каждый может подыскать и сам.

Сразу же оговорюсь: на мой взгляд, общие причины миграций — это дело не археологии, а истории (также преистории) и социологии. Поэтому «законы миграции» демографа прошлого века Рэвенштейна (Ravenstein 1885; 1889), равно как и «теория миграций» современного социолога Ли (Lee 1966) меня здесь занимать не будут. Рэвенштейн выделяет три фактора, взаимодействие между которыми рассматривает для установления законов. Эти факторы — толчок (push), тяга (pull) и средства (means). Всё это касается причин миграций. Преисторические аспекты этой темы я затрагиваю в другой работе (Клейн 1974, см. также Kolmann 1976; Косарев 1972; Долуханов 1978; Shilov 1989). Как осуществляются миграции — тоже не собственно археологическая задача. Это поле этнографии и культурной антропологии (Геддон 1923; Braukmper 1992; 1996; Zamojski 1995; и др.). Археолога подобные разработки и сведения интересуют лишь как подспорье для прояснения проблем с археологическим материалом. Но несомненно интересуют. А вот как миграции отражаются в археологическом материале — это дело самой археологии. Этой проблемой я и занимаюсь здесь.

2. Миграционизм, автохтонизм и секвенции. Археологический материал предстает перед археологами более или менее четко сгруппированным в археологические культуры, в которых отложились в преобразованном виде этнографические (но не обязательно этнические) культуры живых обществ прошлого (Klejn 1971; 1991: 123 — 208). Из-за специфики самого материала (наличие многослойных памятников) и еще больше из-за особенностей современной организации научных исследований (разделение по странам, лакуарность обследования) исходная группировка культур оказывается их локально-диахроническим соединением. Археолог получает культуры как бы нанизанными на стержни локальных колонок сравнительной стратиграфии и составляющими локально-диахронические ряды — *колонные секвенции* (рис. 1). Таков, например, выявленный Городцовым на Донце ряд культур: ямная, катакомбная, срубная и т. д.

Так как в смене культур внутри каждого такого ряда в общем и целом обычно наблюдается культурный прогресс, то рождается иллюзия, что этим рядом представлено реальное непрерывное развитие одного и того же населения. К тому же такой быт ближе представляется ученому и кажется ему более реалистичным. Как писал Уэйс (Wace 1958: 31), «Одно дело сидя сегодня в удобном кабинете где-нибудь в Оксфорде или Гёттингене, переселять неолитический народ из Малатии в Фарсал, но было совсем другим делом для неолитическо-

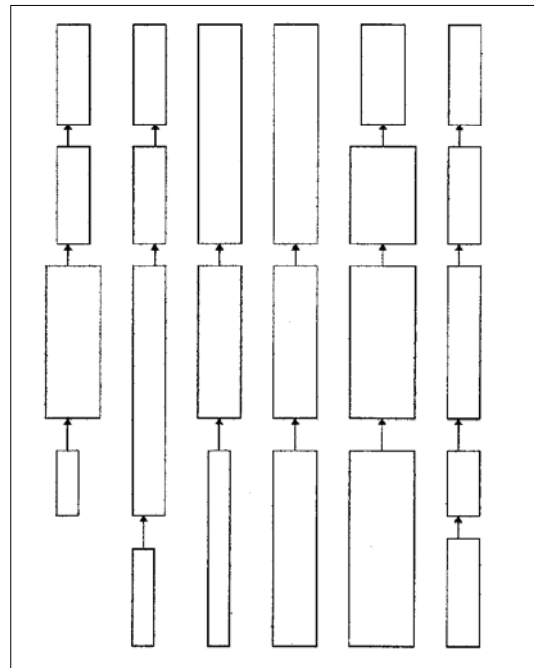

Рис. 1. Колонные секвенции. Стрелка справа показывает направление времени. Прямоугольные ячейки обозначают культуры. Стрелки, соединяющие их, отображают иллюзорную преемственность, лишь в некоторых случаях совпадающую с реальной.

го народа тысячи лет назад переселяться со всеми манатками (*lock, stock and barrel*)». Наивность и неисторичность подобных рассуждений видна с ходу. Сентенцию Уэйса можно повернуть и против его идеи: одно дело сидеть сегодня в удобном кабинете где-нибудь в Афинах и удерживать неолитический народ в чудесной местности, а совсем другое дело для неолитического населения выбирать между смертью на месте (от эпидемии, глада, мора, смуты или нашествия) и бегством — *lock, stock and barrel* — на поиски лучших земель. О мотивах можно расспросить бесчисленных сегодняшних мигрантов.

Постоянное и повсеместное независимое существование народностей — это иллюзия, и основанная на ней концепция (*наивный автохтонизм*) обходится очень бесхитростным обоснованием — подразумеваемым «законом наименьшего движения», на который, впрочем, позже появляются и прямые ссылки (это подмечено в работе Adams et al. 1978: 505).

Этой иллюзии мешает дискретность звеньев указанного ряда — *археологических культур* в колонной секвенции. Культуры резко сменяют одна другую, и корни каждой выявить довольно трудно. Происхождение каждой культуры — чрезвычайно дискуссионный вопрос (Клейн 1975). Чтобы обосновать иллюзию постоянного независимого местного развития предпринимаются попытки выявить сквозные эволюционные линии в типологии (местные традиции, сквозные типологические ряды) и ведутся поиски недостающих звеньев между культурами. С упомянутым рядом культур так поступали Круглов и Подгаецкий, Кривцова-Гракова и др.

Чем менее успешны эти попытки и поиски, тем больше повода для противоположной иллюзии — принимать каждую смену культур в колонной секвенции за результат инвазии, вторжения иноземцев, прихода нового населения (*инвазионизм* или *наивный миграционизм*). Так трактовал свой ряд культур сам Городцов. Так расценивали смены культур в регионах своих раскопок К. Кеньон, Дж. Рейснер, Л. Вулли.

Выбор между той и другой иллюзиями мог определяться самим материалом, его изученностью или идейной предрасположенностью исследователей. Так, эволюционизм третьей четверти XIX века, хотя и не имел ничего против миграций, создавал систему, в которой для объяснения ситуаций обращаться к миграциям не было необходимости, а факты, служившие аргументами миграций, задействовались иначе. Смена культур объяснялась прогрессивным развитием, сходства культур разных территорий объяснялись конвергенцией. Кризис идей прогресса, рост национализма и геополитических претензий в конце XIX — начале XX века приводили к усилению роли миграционных толкований.

Для обеих наивных крайностей была характерна одна и та же методическая ограниченность: поиски доказательств велись только внутри данной колонной секвенции. Между тем, памятники, сочетающие черты обеих культур — более ранней и более поздней — почти всегда налицо: не только при местном развитии, но и при смене населения — как результат смешивания и скрещивания пришельцев с остатками туземцев (Клейн 1961: 12 — 13; 1968; Членова 1963: 48; 1967: 6).

С другой стороны, и дискретность развития тоже проявляется не только при смене населения — к тому же эффекту могут приводить и природные катаклизмы, и социальные сдвиги, и т.п.

Возникает представление о том, что никакая автохтонность культуры не выглядит правдоподобной без сравнения предполагаемых местных корней этой культуры с возможными внешними ее корнями, уходящими в культуры других колонных секвенций. И что, с другой стороны, никакая инвазия не вправе претендовать на убедительность без демонстрации таких внешних корней, превосходящих по обоснованности материалом предполагаемые внутренние, местные корни.

От изначально заданных колонных секвенций надо перейти к трассовым секвенциям — рядам культур, соединенных последовательно

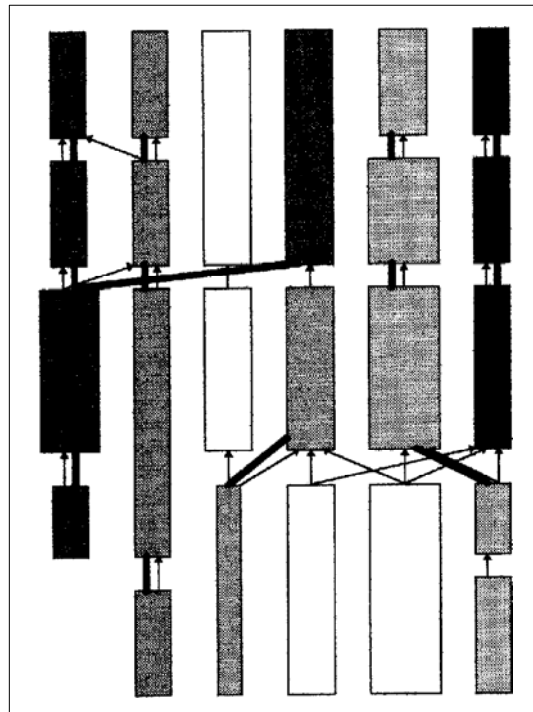

Рис. 2. Трассовые секвенции. Стрелки, которыми связаны культуры, обозначают традиции, а жирные соединительные линии обозначают основные линии преемственности. Культуры, объединяемые в одну секвенцию, связаны этими линиями и показаны одинаковым тоном заполнения.

по принципу культурной преемственности вне зависимости от территориального расположения (рис. 2). Ведь именно в этих, а не в колонных секвенциях протекал культурно-исторический процесс (Klejn 1976; 1981). На схеме в некоторых случаях стрелки культурных традиций связывают культуры одной колонной секвенции (по вертикали) — это автохтонная преемственность. Тут трассовая секвенция совпадает с колонной. В других случаях стрелки связывают культуры разных колонных секвенций (по диагонали) — это трансмиссии (импорты, влияния, заимствования). В третьих случаях такие мостики преемственности между колонными секвенциями образуются жирными линиями — это миграции.

Концепция двух типов секвенций и выдвинута мною для преодоления наивного автохтонизма и наивного миграционизма.

3. Миграционизм и трансмиссионизм. Понятие секвенций — нововведение последних десятилетий, но соответствующие ему реалии в материале наметились давно. К выявлению и прослеживанию таких секвенций археологи обратились на рубеже XIX и XX вв. Сразу же выяснилось, что трактовка этих секвенций также может быть двоякой. Снова возникают д и л л ю з и и .

Одна порождается привычной увязкой определенной культуры с определенным населением и сводится к представлению, что идея не передается без прихода ее носителя. Как утверждал Ф. Ратцель в «Антропогеографии», «распространение этнографических предметов может совершаться только через человека, с ним, при нем, на нем, особенно же в нем, т. е. в его душе как зародыш идеи формы. Этнографический предмет передвигается вместе с его носителем...» (Ratzel 1912: 442). «У культуры нет ног» (Die Kultur hat keine Beine), — говорил его ученик Л. Фробениус (Frobenius 1898: XIII). Контакт людей действительно необходим, но он может осуществляться и на границе ареалов, без переселения. Ошибка заключается в том, что трассовая секвенция принимается за историю культуры одного населения и почти каждая переброска трассовой секвенции из одной колонной секвенции в другую принимается за миграцию — как у Брейля. Это *миграционизм*.

Противоположная иллюзия вытекает из преувеличения роли торговли и других контактов в распространении культуры. «У идей есть крылья» (Ideas have wings), — заявил М. Уилер (Wheeler 1952: 185). Эта концепция сводится к тому, что трассовая секвенция совершенно обосновывается от связи с одним и тем же населением и понимается как история определенного комплекса идей, а почти каждая переброска трассовой секвенции из одной колонки в другую рассматривается как *горизонтальная трансмиссия*, передача культуры посредством

культурного *влияния* и *заимствования* — как у Шахермейра. Это *трансмиссионизм*.

Здесь есть структурная аналогия с первой парой крайностей: ситуация во многом та же, только внутренними или внешними связи и корни культур выступают не по отношению к колонной, а по отношению к трассовой секвенции.

На практике абсолютизация роли миграций, с одной стороны (миграционизм), и влияний — с другой (трансмиссионизм), выступали обычно не в обрисованном выше чистом виде, а в своеобразной идеологической арранжировке. Коссинна поставил прослеживание древних миграций на службу геополитике — идеологическому оружию германского империализма. Эллиот Смит положил влияния и заимствования в основу концепции диффузионизма, построенной как проекция отношений современного колониализма на далекое прошлое. В одном случае Центральная Европа, в другом — Египет выдвигались на роль исходного очага и главного центра культурного развития всего Старого Света. Шла вообще борьба за приоритет народов в культурном развитии, в основном между археологами центрально-европейского происхождения, с одной стороны, и восточноевропейскими археологами, а также археологами, считавшими свои народы наследниками средиземноморского очага и цивилизаций Древнего Востока, с другой.

Ни миграция, ни трансмиссия здесь не требовались для объяснения каждой переброски трассовой секвенции из одной колонной в другую, а лишь для объяснения перебросок *центробежных* по отношению к предпочитаемому очагу; внутри же очага предполагалась автохтонность. Такой *центробежный миграционизм* (собственно, соединяющий миграционизм с *автохтонизмом*) реконструирует расселение (это *археологический экспансионизм*), а такой *центробежный трансмиссионизм* реконструирует *диффузию* (и называется *диффузионизмом*).

По географическим условиям сторонникам центрально-европейского или восточно-европейского приоритета в культурном развитии удобно было воспользоваться археологическим экспансионизмом (Коссинна, Шухгардт, Костшевский, Сулимирский), а поклонникам древневосточного наследия и претендентам на него исключительно или преимущественно для своей страны (это были в основном археологи западно-европейского района, весьма удаленного от стран Ближнего Востока — Эллиот Смит, Гордон Чайлд) пришлось прибегнуть к диффузионизму.

Впрочем, у ранних диффузионистов миграциям отводилась ведущая роль в распространении культуры (Smith 1929), а у поздних — по крайней мере важная (Childe 1950). Поскольку на практике диффузия предполагалась осуществлявшейся посредством как миграций, так и

влияний, диффузионизм можно рассматривать как общее обозначение, а миграционизм и трансмиссионизм — как две его разновидности.

Реакцией на эти злоупотребления были попытки противопоставить указанным очагам другие и повернуть миграции Коссинны вспять (Childe 1926; 1950; Borkovskyj 1933; Брюсов 1958; 1961; 1965; Gimbutas 1961; 1979; и др.). Эта тенденция преодолевала не методическую слабость миграционистских и трансмиссионистских концепций, а лишь их геополитическую направленность.

Другим вариантом реагирования на дискредитацию коссинновских «14 походов индогерманцев» и всех этих переселений из неких *vaginae gentium* были попытки почти или вовсе отказаться от идеи миграций (Мещанинов 1928; 1931; Кричевский 1933; Clark 1966; Adams 1968; Renfrew 1967; 1973; Skjølsvold 1981). Как в Советском Союзе, так и на Западе этот *критический* (или *рафинированный*) *автохтонизм* подпирался концепциями закономерного независимого развития под действием внутриобщественных факторов. Что это за концепции? В советской науке это были стимулированные марксизмом «метод восхождения» и теория стадильности, на Западе — «процессуальная археология». При их принятии для объяснения социокультурных изменений просто отпадала нужда в миграциях и трансмиссиях.

Адамс с соавторами (Adams et al. 1978: 504 — 505) называют автохтонность «развитием на месте» (*in situ development*), а так как от этого словосочетания трудно образовать кличку для течения, то они называют его «изоляционизмом». Уилер называл «сепаратизмом» (Wheeler 1952: 180). Хокс (Hawkes 1987: 202) отчеканил для концепции автохтонного развития ярлычок «иммобилизм», который понравился Герке (Harke 1998). Но этот ярлычок по смыслу термина («учение о неподвижности») охватывает не только приверженность к автохтонному развитию, но и трансмиссиям: население-то при них остается неподвижным. Так что в иммобилизм войдут и автохтонизм и трансмиссионизм. Иммобилизм противостоит не диффузионизму в целом, а только миграционизму.

Между тем, на фоне кризиса «процессуальной археологии» скепсис относительно миграций стал казаться неоправданным (отчасти Adams et al. 1978; Neustupny 1982; Rouse 1986; но особенно Kristiansen 1991; Anthony 1990; 1992; Champion 1992; Mortensen 1992; Burmeister 1996; Harke 1998). В конце концов засилье этой скептической тенденции породило впечатление, что «с водой выбрасывают и ребенка» — из западных археологов первым эту формулу использовал, кажется, Ренфру (Renfrew 1987: 3), а статья Д. У. Энтони так и называется: «Миграция в археологии: ребенок и вода из ванны» (Anthony 1990, см. также 1992; Soffer 1993: 67). В 1996 г. вышел целый номер

журнала, посвященный миграциям (*Archaeologische Informationen* 19, 1 & 2). Гораздо раньше увлечение миграциями возродилось в Советском Союзе в результате кризиса теории стадильности (об этом см. Klejn 1977: 13-14).

4. Идеология и объективность. Все эти — измы приводили к тому, что нередко трактовка, предпочитаемая тем или иным исследователем, была предопределена его принадлежностью или склонностью к тому или иному течению. Само же течение формировалось не без воздействия политических движений и их идеологии. Конечно, сказывались и другие факторы — новые полевые открытия, изобретение новых методов, возникновение современных ситуаций, способных породить у исследователя убеждение в естественности тех или иных трактовок (напрасливающиеся аналогии — скажем, войны с массовыми переселениями). Но закономерная смена научных течений и ее связь с политическими движениями была достаточно наглядна и убеждала историографов в наибольшей важности именно этого фактора в формировании научных теорий.

Особенно преуспели в разработке такого понимания марксисты, в частности советские марксисты. Они разработали изощренную технику выявления «классовых корней» любого научного течения, а отсюда заключали к наличию «социального заказа» в основе любой теории, любой гипотезы. Эта техника была применена и к проблеме миграций (Мещанинов 1928; 1931). Любое обращение к миграционной трактовке или, не дай Бог, интерес к подобным явлениям (например, у Чайлда — ср. Богаевский 1931) приравнивались к увлечению миграциями, а это увлечение расценивалось как миграционизм. Миграционизм же рассматривался неизменно в связи с шовинизмом, расизмом и империалистической агрессией. А поскольку нередко такая связь была действительно налицо (например, у Коссинны) и придавала осмысленность истории науки, подобные обобщения выглядели респектабельно, и как-то терялось, что даже у самых заядлых миграционистов могут быть и верные наблюдения. Я об этом писал в своей статье о Коссинне (Klejn 1974).

Общую установку марксизма на выявление классовых корней франкфуртские марксисты развили в методический принцип: если научные взгляды определяются прежде всего социальной позицией ученого, то тщетно проверять его выводы на соответствие фактам. Он видит их сквозь «идеологические» очки, да и мы, проверяя его, — так же, только сквозь другие, столь же искажающие очки. Надо критически оценивать прогрессивность его общественной позиции, а кроме того — и свою позицию проверять с этой точки зрения, самокритически. Эта «критическая теория» вошла в методический арсенал пост-процессуализма и оказала огромное

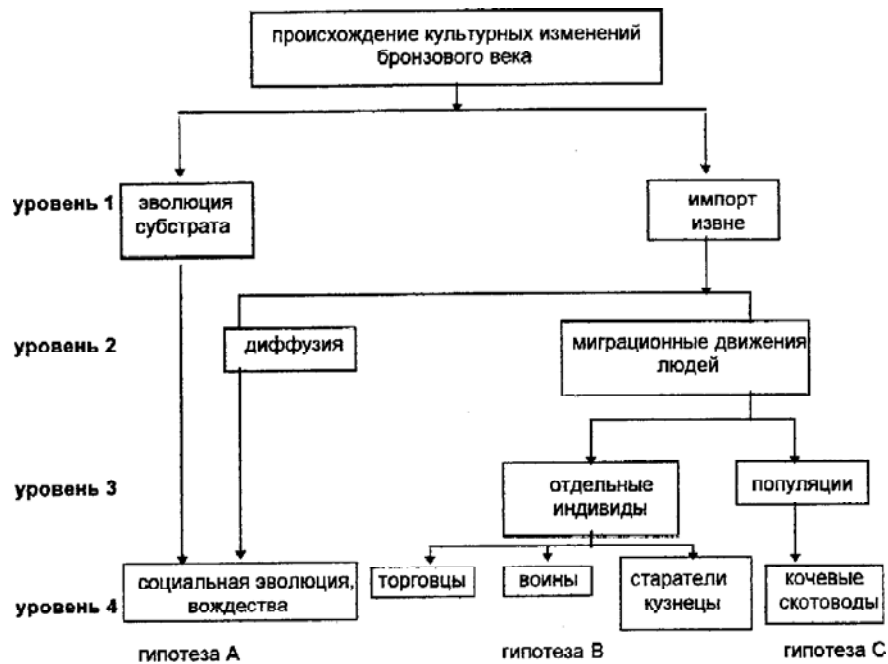

Рис. 3. Объяснительные модели для перемен в культурах бронзового века Западных Альп по А. Галле (Gallay 1981). Уровни 1–4 — это последовательные стадии логического развертывания объяснения.

влияние на рассмотрение острых проблем археологии, в частности — проблемы миграций (Shennan 1988; Gamble 1993; Härke 1998).

После всех ее разоблачений остается, правда, непонятным, как быть с тем, что и эту критику и самокритику приходится вести, глядя сквозь те же очки. Сторонники «критической теории» верят, что само осознание свой и чужой предвзятости способно выправить положение. Но в каждом случае где гарантия, что эта предвзятость оценена правильно?

Для советских марксистов вопрос этот не имел смысла: принадлежность к прогрессивному классу, к его авангарду — коммунистической партии, сама собой обеспечивала объективность. Таким образом для них партийность не противоречила объективности, давала высшую объективность. Но пафос критической теории состоял в плюрализме мнений, в отрешении от партийности. Не говоря уже о том, что сама реальность такого отрешения средствами «критической теории» под вопросом, отрешение от партийности не равно освобождению от субъективности.

Ни эти средства, ни упование на интересубъективность не дают полной гарантии от элиминации субъективного фактора. Только разработка формальных критериев проверки гипотез и строгость их соблюдения могут обеспечить тот максимум объективности, на который вообще наука способна. В этом ведь суть научности. Это как с соблюдением общественного порядка: у многих личностей может проявиться осознанная или неосознанная тяга его нарушить, и тщетно уповать на их самоконтроль или на вы-

яснение причин такой тяги. Но если есть продуманные законы, а общество следит за их выполнении, то порядок соблюдается.

На практике когда исследователь приступает к конкретному исследованию преемственности и сходства культур, нередко он неосознанно склонен заведомо к какой-то одной трактовке. Но и в этом случае другие трактовки маячат перед ним как возможности — как ожидаемые возражения со стороны противников. Для исследователя же, который желает сохранить объективность, все три трактовки выступают как равномерные гипотезы, которые необходимо рассмотреть. Так, исследуя изменения с наступлением бронзового века в Западных Альпах, А. Галле (Gallay 1981) построил схему принципиально возможных объяснений, в которой предусмотрены все три модели, при чем в тексте указано, что компоненты этих моделей могут взаимодействовать в разных сочетаниях (рис. 3). Каждый -изм избирал только одну из этих моделей. Но каждый отдельный исследователь учитывает, обязан учитывать и проверять все три. К каждой, в том числе и к миграциям, применять продуманные и проверенные критерии доказанности.

5. Первичный критерий доказанности миграции. В спорах между этими направлениями отработывались методы и критерии археологического выявления миграций (Preidel 1928; Penk 1936; Tischler 1950; Schlette 1977; и др.).

Как констатирует Бурмейстер, «Часто практикуемый метод выявления миграций принадлежит к стандартному репертуару археологичес-

ких исследований: это картирование археологических признаков». По массовой концентрации признаков выделяется основной очаг («Kerngebiet») их распространения, из которого, как предполагается, они происходят. Чтобы могла идти речь о миграции, «мигрирующее население должно выйти за границы этого археологически определенного пространства» (Burmeister 1996: 13). Таким образом, напрашивается критерий внешнего источника для каких-то элементов, обнаруженных на той территории, куда миграция мыслится направленной (Triggeer 1968: 40 — 41). То есть эти элементы должны быть опознаны как чуждые для местной культуры, а массовые аналогии им, а равно и прототипы их должны оказаться на другой территории. Этот критерий естественный, он вытекает из самой сути миграции.

Но карты распространения, как отмечает Бурмейстер, допускают тройное толкование. Распространение явлений за пределы их основного очага может быть результатом миграции, но может представлять собой импорты (как таковые опознаются — см. Olausson 1988) или культурное влияние. Характер методики определялся спецификацией — что это за элементы.

Для Коссины и других исследователей, исходивших из романтического представления о культуре как эманации народного духа (Volksgeist) или функции расы, культура во всех своих частях и элементах мыслится самобытной и своеобразной для каждого народа. Возможность адаптации привнесенных элементов сводилась к минимуму. Каждый элемент рассматривался как характерный для некоторой культуры и только для нее одной. Отсюда принцип *pars pro toto* (часть вместо целого) и возможность проследить миграции населения даже по отдельным типам вещей (Kossinna 1905; Jackson 1917; Wace and Blegen 1939; Burton 1979). Скажем, расселение индоевропейцев по находкам каменных боевых топоров (Брюсов и Зимина 1966).

Смягченным вариантом этого принципа была концепция «этнических показателей» (ethnische Marker), согласно которой не любые, а только лишь некоторые элементы культуры тесно связаны с этническим характером населения и позволяют археологам проследить расселения и переселения. Споры развернулись о том, какие же элементы имеют преимущественное право на статус таких показателей. — способ погребения (Артамонов 1947: 81; 1949: 133, 142, 157; Погребова 1977), или лепная керамика (Кеное 1959; Косарев 1972: 26), или только техника ее выделки (Gifford 1928: 253; Кожин 1964), или только ее орнаментация (Фосс 1952: 65, 69 — 77), или стиль наскальных изображений (Сooke 1965), или типология кремневой индустрии (Формозов 1957), или структурные соотношения ее харак-

теристик, выявляемые факторным анализом (Greaves 1982) или устройство жилищ (Сальников 1954: 251; Третьяков 1962: 41), и т.д.

6. Комплексный (лекальный) критерий. Между тем, еще Косина вынужден был, защищаясь от критиков, отречься от простой «идентификации горшков с народами» (Kossinna 1911: 6 — 14) и признавать, по крайней мере, на словах, необходимость проследить ареалы и сдвиги ареалов целых культур, т.е. *комплексных сочетаний культурных элементов*. Позже критика концепции «этнических показателей» со стороны Гёрнеса, Шрадера и др. (см. Кнабе 1959; Захарук 1964: 15; Klejn 1974) привела к утверждению *комплексного критерия миграции*.

По этому критерию, для доказательства миграции нужно зафиксировать на новом месте весь комплекс форм, представленных на старом (Schuchhardt 1926: 2). Уилли (Willey 1953; 1956) обозначает этот феномен как «вторжение целостным блоком местонахождения» (site unit intrusion). У. Адамс с соавторами (Adams et al. 1978: 488) выделяют «миграции, установленные на основании распространения местонахождений» (site-based) как более убедительные, чем «миграции, установленные на основании распространения признаков» (trait-based). Культура нового ареала мыслится как бы воспроизведением культуры старого ареала, копией, вычерченной по тому же лекалу — соответственно Джеймс Диц (Deetz 1968) назвал этот критерий «лекальным» (template criterion). В основе этого критерия лежит убеждение в том, что миграции переносят неизменную культуру.

Гане, ученик Коссины, писал: «А с переселяющимися народами переселяются и формопроявления их борьбы за существование, их обычаев, их мировоззрений» (Hahne цит. по Kossinna 1911 [или 1912]: 271; также Брюсов 1957). Так же представлял себе миграции Л. Н. Гумилев. Он считал, что не мигранты изменяются под воздействием новой среды, а среду они себе выбирают такую, чтобы было можно сохранить свои навыки (Гумилев 1967: 94 — 95). Это убеждение — еще одна иллюзия.

Критика учения Коссины накопила ряд «упрямых фактов» о ложности или несовершенстве, недостаточности лекального критерия:

а) ряд зафиксированных письменными источниками миграций древних народов не прослеживается в виде полных передвижек культур (Cook 1960; Palmer 1961; Mellaart 1966), а потому археологическими средствами неуловим, и

б) наоборот, встречаются (хотя и редко) такие передвижки культур в местах, где по письменным источникам, жило одно и то же население, что показали Вале, Эггерс и др. (Wahle 1941; Eggers 1950; 1959).

Вторая категория «упрямых фактов» объяснима диффузией культуры или неполнотой письменных источников. А вот с первой категорией разобраться труднее.

Все больше накапливается соображений о том, что культура на новом месте и не может оказаться точной «лекальной» копией исходной культуры (Бернштам 1951: 117; Mandera 1957: 131).

Здесь действуют три фактора.

Первый — *эффект усреднения*. Даже при наличии континуума эволюции (что не обязательно) в археологии процесс предстает разделенным на этапы, каждый из которых характеризуется усредненными параметрами (Ford 1954). Эти средние, конечно, дальше друг от друга, чем параметры стыков обоих этапов, обычно недоступные прямому выявлению, и увязываются лишь путем интерполяции (Klejn 1969).

Второй фактор — *миграционная трансформация*. Сама миграция — встряска, которая приводила к быстрой трансформации культуры. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной и социальной среды, ослабление старых норм и авторитетов — все это порождало резкую перестройку культуры пришельцев (Hertz 1930: 62; Клейн 1968; Nachmann 1970). Как известно, викинги, приплывая в новые страны, снимали с носов кораблей изображения своих богов, чтобы не разгневать местные божества. Многие пришельцы, даже завоеватели (как, например, монголы) относились с пиететом к божествам местного населения — считалось, что на своей земле они сильнее.

Третий фактор — *неидентичность состава*. Имеется в виду, что состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен тому комплексу компонентов, который был в наличии на родине мигрантов.

У этого фактора есть два фиксируемых момента: *исходная неидентичность* и *конечная неидентичность*.

Для объяснения исходной неидентичности состава применима концепция *субкультур* (Deetz 1965; Clarke 1968: 234 — 244): в миграцию очень часто отправляется не все общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов (репрезентативная выборка), а одна из фракций — напр., молодые мужчины — воины или (если речь идет о ближнем и постепенном просачивании) женщины, выходящие замуж, или ремесленники и т.п. (Клейн 1963).

Для объяснения конечной неидентичности было предложено две гипотезы. В основу обеих легло следующее наблюдение: исходные очаги компонентов новоприбывшей культуры часто оказываются в разных местах — корни культуры расходятся в разные стороны. Например, тип могилы донецкой катакомбной культуры восходит к средиземноморским катакомбам,

главные формы керамики и боевых топоров — к североευропейским культурам кубков, курильницы имеют аналогии на Дунае и т. д. (Клейн 1962; 1968).

Гипотеза обходной миграции (Клейн 1962; Klejn 1963; 1967) предполагает подвижную группу населения, прошедшую по всем этим очагам и вобравшую там в свою культуру данные разнородные компоненты.

Гипотеза кооперированной миграции (Nachmann 1970) предполагает, что активная группа мигрантов часто вовлекала в движение осколки соседних племенных групп с весьма широкого ареала, и культурные компоненты, захваченные ими из родных мест, быстро сплывались в единую культуру.

Нужно иметь в виду, что возможна *иллюзорная неидентичность* состава. Иллюзию создает недоработка классификации в исходном очаге или в конечном или в обоих: когда неомогенная масса культурных элементов принята за гомогенную (культура не разделена на локальные или нехронологические варианты, которые объективно, хотя и в скрытом виде, в ней присутствуют и на деле весьма различны). Предварительная проверка гомогенности культур становится необходимым условием выявления преемственных связей, а дифференциация — средство коррекции сомнительных ситуаций, сомнительных эффектов неидентичности состава (Клейн 1968; 1969).

Все три рассмотренных фактора — эффект усреднения, миграционная трансформация и неидентичность состава — подрывают приложимость критерия лекальности.

7. Другие критерии. Наряду с ним нередко менялись еще два — *критерий неподготовленности* и *критерий стыка*.

Критерий неподготовленности является как бы вывернутым наизнанку одним из доказательств преемственности. Таким доказательством преемственности считается постепенность развития, с длительной подготовкой изменений. Внезапность же изменений толкуется как результат вторжения иноземцев. Если смена одной культуры другой не происходит плавно, то нужно искать внешний источник этой другой культуры. Даже резкое и быстрое увеличение населения уже побуждает подозревать, что не обошлось без пополнения извне.

В. С. Титов (1982: 91 — 92) добавляет к этому особый случай неподготовленности: если изменения, затрагивающие различные стороны жизни общества, не являются прогрессивными, то есть естественными для обычного развития (прогресс он считает нормой), их можно объяснить «другой традицией, отнюдь не свойственной данной культуре», то есть они принесены другой культурой, «зачастую более примитивной и варварской по сравнению с предшествующей».

Асбьорн Хертейг критикует этот критерий: это археологический стереотип, который не учитывает возможность скачков в развитии (Herteig 1955). Не учитывается здесь и другая возможность — медленного просачивания иноземцев.

В критерии же *стыка* есть два аспекта — хронологический и территориальный.

Хронологический сводится к требованию, чтобы принимаемая за исходную культура, будучи древнее новой, все же имела с ней стык во времени или, по крайней мере, не была отделена от нее слишком большим интервалом (этот интервал не должен превышать реалистичное время, надобное на само передвижение). При существовавшей приблизительности хронологических определений критерий *стыка* в этом аспекте обычно не доставлял больших затруднений.

Сложнее обстояло со вторым аспектом — *территориальным*. Он заключался в требовании, чтобы обе культуры исходная и конечная — либо занимали соседние или даже взаимоналегающие ареалы, либо были соединены цепочкой или полосой памятников промежуточного типа — следов движения мигрантов (а при интервале во времени — следов более или менее длительного пребывания мигрантов на промежуточных территориях). Такое требование отчасти было психологической проекцией хронологического аспекта на территориальный, отчасти вытекало из убеждений в том, что первобытные миграции имели только «ползучий» характер, медленного поэтапного продвижения. Дальние разовые переселения представлялись нереальными — несмотря на очевидные конкретные примеры, засвидетельствованные письменными источниками и этнографией (Haddon 1911; Геддон 1923; Tymieniecki 1952)!

8. Перестраховочность критериев. Все три критерия — *лекальности*, *внезапности* и *стыка*, — были призваны застраховать исследователей от произвольного конструирования миграций. Но в совокупности они оказались явно перестраховочными и столь эффективно работали в этой своей роли, что сделали невозможной констатацию даже таких миграций, без принятия которых факты необъяснимы — напр., перемены в СМ III на Крите (ср. Клейн 1971). Если эти критерии применить ко многим хорошо засвидетельствованным миграциям (дорийцев, киммерийцев, готов, герулов, вандалов, гуннов и др.), то окажется, что эти миграции не существовали!

Между тем, сугубым скептикам — таким, как Э. Хори и Ирвинг Рауз, и этих критериев мало. Э. Хори выдвигает четыре критерия:

1) на исследуемой территории должно оказаться существенное количество новых культурных элементов, не имеющих местных прототипов;

2) формы и стили местного материала в пос-

ледних слоях изменяются;

3) есть внешний очаг происхождения новых культурных элементов, там их прототипы;

4) элементы, используемые в качестве индикаторов миграции, должны существовать в одной и той же форме и в одно время в исходном очаге и на освоенной новой территории (Haug 1958).

Рауз довел число критериев до пяти:

«1) идентифицируй мигрировавший народ как вторгнувшуюся общность в районе, где он оказался;

2) проследи эту общность ретроспективно до ее прародины;

3) удостоверься, что все проявления этой общности одновременны;

4) установи наличие благоприятствующих условий для миграции; и

5) покажи, что другие гипотезы — такие, как независимое изобретение или диффузия признаков, — не лучше удовлетворяют фактическому состоянию дел» (Rouse 1958: 64; см. также 1986; рец. Wells 1987).

Адамс считает, что смена элементов материальной культуры, особенно в керамике, способе погребения и обитания, необходима для конструирования миграций, но ее недостаточно. Нужно еще привлечь данные лингвистики, физической антропологии и других смежных дисциплин, а также учесть косвенные данные стратиграфии и территориального распространения находок. Только применение всех этих критериев даст надежную констатацию переселения (Adams 1968: 144).

Число их нетрудно и увеличить, читая критику миграционных гипотез, тогда как и трех названных выше критериев уже слишком много.

9. Конфликтная ситуация. Но если без этих критериев (с одними лишь «этническими показателями») недостаточна надежность, а с применением этих критериев недостаточна чувствительность методики, то как же быть? Которая из этих двух ситуаций — меньшее зло?

Одни исследователи предлагают примириться с первой ситуацией и признать, что наши выводы о миграциях носят *вероятностный* характер. Задачу этнографической разработки археологической теории миграции они видят в том, чтобы изучением стабильности различных компонентов культуры оценить их сравнительные возможности как «этнических показателей» и тем создать базу для оценок вероятности оправдания конкретных миграционных гипотез (Gjessing 1955).

Другие предпочитают исходить из второй ситуации и примириться с неизбежностью того, что многие миграции от нашего наблюдения ускользнут. С этой точки зрения за отправной пункт в проверке миграционных гипотез надо принять *предельные случаи* — археологические казусы, представляющие *абсолютно не-*

двусмысленно феномен миграции. *Степень близости к этим эталонам* будет определяться уровень достоверности сомнительных случаев. Сомнение же истолковывается в пользу местного, автохтонного развития. «Действительно, — пишет Мейнандер (1982: 11), — у археологов нет никакого «правила винта», по которому можно было бы отличить миграцию от аккумуляции или диффузии; однако принято, что если один из критериев указывает на преобладание населения данной области, то она считается доказанной. Подобно тому, как в уголовном праве бремя доказательства лежит на обвинителе, в археологии доказательство миграции — дело ее защитника, он должен также объяснить ее побудительные причины, ведь популяции и роды не переселяются без серьезных оснований». Указав, что в суде обязанность доказывать «лежит на обвинителе», Мейнандер не объяснил, почему в археологии она должна лежать «на защитнике миграций». На чем вообще основана «презумпция автохтонности»?

Из-за разнообразия миграций этнографическая разработка теории миграций считается бесперспективной для поисков археологических критериев выявления миграций (Nachmann 1970). Да и вообще роль миграций в истории и само их количество сводятся к минимуму (Thompson 1958: 1 — 3; Renfrew 1969: 152 — 153; Trigger 1970: 32; и др.).

Титов (1982: 92 — 93) считал, что причина всех затруднений «состоит в том, что все критерии миграции, которые назывались выше, — это критерии априорные, выведенные отнюдь не из изучения реальных исторических миграций, прослеженных и археологически, а критерии чисто логические, теоретические». Да нет же. Если он имел в виду меня, то моей теоретической работе предшествовали проработки конкретных предполагаемых миграций — катакомбной культуры (Клейн 1961; 1962; 1966; 1968; Klejn 1963), скифов (Клейн 1963; 1980б) и дунайцев (этих на Крит — Клейн 1971), а через несколько лет после брошюры о критериях появилась моя статья о миграциях индоариев (Клейн 1980а; Klejn 1984) и фригийцев (Клейн 1984). Да и другие авторы, на которых я ссылался (Адамс, Гахман, Мальмер, Рауз), разработали свои критерии на конкретных миграциях. А лучшим опровержением мнения Титова является то, что после своего разбора конкретных миграций он говорит о тех же критериях, внося лишь спецификации в их применимость.

Оба предложения — и готовность принять ненадежные реконструкции на основе вероятности, и готовность выявить лишь наиболее очевидные миграции, близкие к эталонным, — не могут удовлетворить. Без математического оформления оценка вероятности сведется к словесным оговоркам о неполной достоверности. Научная практика показывает, что такие оговорки легко теряются и гипотезы автомати-

чески превращаются в констатации фактов (Пендлбери 1950: 24 — 25; Eggers 1959: ???). Упор на предельные казусы слишком ограничивает возможности исследования, а трудности сравнения с эталонами открывают простор для субъективизма.

10. «Прямые» и «косвенные» показатели.

С вероятностным подходом связано различие «*прямых*» и «*косвенных*» среди археологических показателей миграции. При узком и несомненно более строгом понимании «*прямых* показателей» в границы понятия попадают только антропологические свидетельства (Malmer 1962: 806 — 808). При широком понимании — также резкие изменения в каком — либо археологическом типе и в языке текстов (Adams 1968: 197). Тогда к косвенным отойдут лишь свидетельства о сопутствующих или вызывающих миграцию событиях (напр., стихийные бедствия, военные разрушения и т. п.), а также данные об общих связях и соотношениях фактов, напр., возможная ориентировка покойников лицом к прародине (James 1957: 133 — 135).

Суть отделения прямых от косвенных — постулат о безусловной доказательственности первых, если они доброкачественны и обильны. Однако даже авторитет антропологических свидетельств за последние десятилетия сильно упал, возможности этих данных представляются ныне более скромными и ограниченными, чем прежде — антропологические признаки оказались более изменчивыми, чем предполагалось (Washburn 1953; Gejvall 1955; Livingston 1964). И наоборот, некоторым косвенным показателям придается столь большое значение, что их элиминация рассматривается как опровержение самой возможности миграций для данной среды (напр. Kurth 1963; Nachmann 1970: 279 — 327).

11. Разновидности миграций и их следов.

Здесь многое зависит, конечно, от того, какая *разновидность миграций* имеется в виду.

Видимо, в этом и следует искать ключ к решению проблемы.

Разнообразие миграций противоречит на деле не этнографической разработке критериев выявления миграций, а лишь стремлению абсолютизировать частные критерии, действительные для отдельных разновидностей миграций, абсолютизировать и переносить их на все миграции вообще.

В основу разработки критериев должна лечь *классификация миграций* (опыты такой классификации предлагаются в ряде работ (Honigsheim 1928; Hertz 1930; Heape 1931; Kulischer 1932; Sorre 1954; Hochholzer 1959; Авербух 1970; Дьяконов 1983; и др.).

Ю. В. Бромлей (1973) сводил все варианты миграций к двум видам: 1) переселения народов (или во всяком случае больших групп на-

селения) и 2) микромиграции (переселения небольшими группами, преимущественно отдельными семьями). Это деление он выбрал потому, что оно сказывается на судьбах мигрирующего этноса: в микромиграциях он более подвержен воздействиям и размыванию. Но это важно и для судьбы культур, а значит, для археологических следов. Вольфганг Ден (Dehn 1979: 15) выявил у кельтов четыре типа миграции: 1) удаление из популяции избытка населения, главным образом молодежи; 2) выселение группы с женщинами, детьми, скотом и другим добром на новые территории; 3) военные экспедиции; 4) этнические движения, вызванные экономическими причинами.

Эвжен Неуступны (Neustupny 1981) различает 1) экспансию заселенности (settlement expansion) — постепенное расширение территории, занятой неким народом, и 2) переселения популяции (population movements) — разовые драматические события. У них разная природа явления, разная скорость и разная направленность. Должны быть и разные археологические следы. В другой работе Неуступны различает три вида миграций в густо заселенную область: 1) экспансию (так он называет миграцию с полным или частичным уничтожением местного населения), 2) заселение пришельцами промежутков между ареалами местного населения (осуществимо в основном если пришельцы и аборигены занимают разные экологические ниши и не соревнуются за земли), 3) инфильтрация — обоснование пришельцев прямо в тех же ареалах и даже (чаще) в тех же поселениях, где продолжает обитать коренное население (Neustupny 1982). В другом месте той же работы он упоминает четыре вида миграций: колонизация, экспансия, инвазия и инфильтрация (Neustupny 1982: 287). Очевидно, второй пункт здесь расчленен: для него остаются инвазия (простое вторжение?) и колонизация (с овладением территорией и установлением господства?).

Кристиансен (Kristiansen 1991: 219 — 220) делит все миграции прежде всего на полномасштабные (full-scale) и выборочные (select). В свою очередь полномасштабные делятся на три типа: 1) перемещения силой государства, империй, 2) из-за социальных конфликтов и племенной вражды, 3) от экологического и экономического давления. Выборочные переселения делятся на четыре типа: 1) завоевания, 2) движения купцов, 3) основание торговых станций и колоний, 4) выселение трудовых групп и изгоев. Нетрудно заметить, что в основу вторичного деления Кристиансен положил мотивы переселения. Сомнительно, чтобы это непосредственно сказывалось на археологических следах.

В советской археологии типы миграций рассматривались в тесной связи с социально-экономическим развитием общества, поэтому деление шло по эпохам. Н. Я. Мерперт (1978) вы-

деляет три «модели» миграций — для палеолита, неолита и энеолита. Первая модель характерна для охотников-собирателей и вызвана прямо изменениями в природной среде — движением ледников, трансгрессиями и регрессиями морей, сдвигами ландшафтных границ, миграциями животных, стихийными бедствиями. Эти миграции носили характер переселений и особенно характерны для палеолита. Вторая модель определяется экономическими факторами, в частности давлением избытка населения вследствие демографического роста при ограниченных возможностях производства. Хозяйство экстенсивное — осваиваются новые регионы. Это в основном неолитическое расселение. Третья модель обусловлена экономическими и социальными причинами — экономическим и социальным неравенством, борьбой за источники сырья, за возможности эксплуатации и за власть над народами и территориями. Эта модель появляется с металлом. Она связана с завоевательными походами и военными вторжениями.

Испанский археолог Гонзало Руис Запатеро на основе мерпертовской классификации построил три структурных модели миграции: 1) модель передвижения небольших групп, 2) модель непрерывной (мы бы сказали «ползучей») экспансии — Аммерман и Кавалли-Сфорца называют этот тип миграции «волной продвижения» (Wave of Advance — см. Ammerman and Cavalli-Sforza 1979) и 3) модель выброса разовых миграций, в основном на дальние расстояния — Хуффмен назвал этот тип «моделью дробовика» (Huffman 1970). Руис Запатеро предложил графические схемы всех трех моделей (рис. 4 — 6) и привел археологические примеры (Ruiz Zapatero 1983). Когда Бурмейстер строит общую модель миграции (см. рис. 7), он в сущности имеет в виду только один ее вид — непрерывную экспансию (в виде инфильтрации или колонизации), при чем на схеме показаны лишь долговременные взаимоотношения первой волны дочерних поселений с метрополией, тогда как обычно эти дочерние поселения сами становятся источником дальнейшей экспансии.

Для бронзового века Титов (1982: 99 — 101, 140 — 143) выделил три типа миграций. В основу деления он положил не причины миграций, а соотношение между местной и пришлой культурами — между субстратом и суперстратом. «Ведь именно это соотношение известно археологу лучше, чем причины миграции».

В миграциях первого типа субстрат совершенно или почти не ощущается. Примеры — миграция культуры Эздрелон в Палестину, экспансия культур боевого топора и шнуровой керамики. Тут возможны три варианта: 1) новая культура появляется в районах ненаселенных, слабо населенных или покинутых прежним населением, 2) новая культура долго не входит в контакт с местной (как ямная культура на Бал-

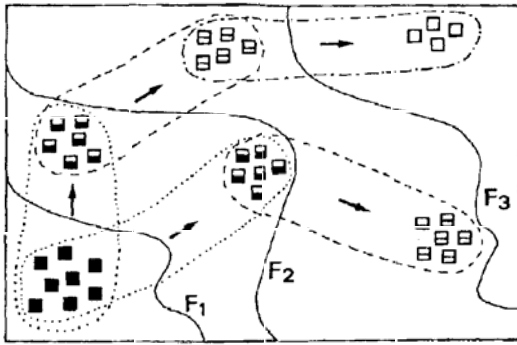

Рис. 4. Модель передвижения небольших групп охотников-собираателей по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 2). F1, F2, F3 — последовательные стадии продвижения фронта экспансии.

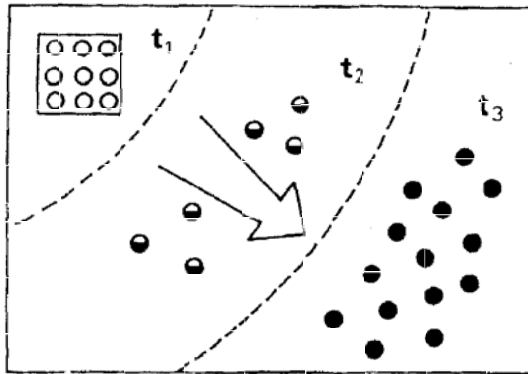

Рис. 5. Модель непрерывной экспансии («Волна продвижения») по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 3A). Миграция реализуется радиальным продвижением на короткие дистанции. В последовательные периоды времени (t1, t2, t3) на разных этапах продвижения отлагаются серии памятников, которые несколько отличаются одна от другой, отражая модификацию культурных характеристик с течением времени.

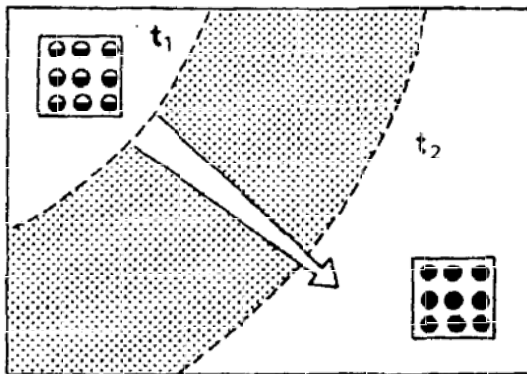

Рис. 6. Модель разовых миграций по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 3B).

канах), и 3) местная культура целиком подавляется пришлой. Источник всех трех в основном — сегментация племен. Так проходила неолитизация Европы. Не испытывая влияния со стороны местной культуры, пришлая не отличается от своей материнской. Поэтому к миграциям этого типа приложимы как критерии лекальности, так и хронологический и территориальный.

В миграции второго типа культура пришельцев значительно ниже по уровню, чем местная, и пришлая культура почти не накладывает отпечатка на местную культуру. Таковы: миграция семитских кочевников-аккадцев на шумерские территории в начале раннединастического времени, западносемитская или аморитская инфильтрация в Месопотамию и Палестину, хуррийская экспансия, индоевропейское (лувийское и хеттское) вторжение в Анатолию. Таким же по-видимому было вторжение греков в Эгейский мир. Проследить такие миграции археологу очень трудно. В таких случаях археолог делает выводы преимущественно по данным письменности, лингвистики и антропологии. Критерий лекальности не работает. Имеют иногда значение косвенные признаки: резкие, иначе необъяснимые изменения в направленности развития культуры, опустошение и запустение целых регионов. Миграция имеет вид инвазии или инфильтрации. Это миграции бронзового века, особенно миграции кочевников в область оседло-земледельческих культур.

К третьему типу относятся миграции, в которых пришлая и местная культуры с самого начала предстают перед археологом смешанными, а в чистом виде суперстратной культуры нет. Примеры — миграция «династической расы» («почитателей Гора») в Египет, хирбеткеракская экспансия в Сирии и Палестине, инвазия гиксосов в Египет, возможно, прибытие «микенцев» в Грецию. Пришлые черты могут модифицироваться в новой среде, а могут исчезнуть. Критерий лекальности неприменим (полный объем пришлой культуры ведь и не выявлен), а территориальный и хронологический применимы. Титов отмечает три варианта этого типа: в первом новые черты (пришлого населения) с самого начала выступают в смешении с местными; во втором лишь отдельные черты заставляют говорить о миграции; в третьем суперстрат — это небольшой набор, а субстрат в разных областях разный (как у культуры колоколовидных кубков).

Приведенные классификации показывают, что различные виды миграций должны оставлять разные археологические следы. Одно дело миграция всего общества (результат — передвижка целой культуры), другое — миграция одного сегмента общества (результат — отпочкование части субкультуры). Постепенное просачивание и разовый бросок, мирное проникновение и военное нашествие, с вытеснением, а

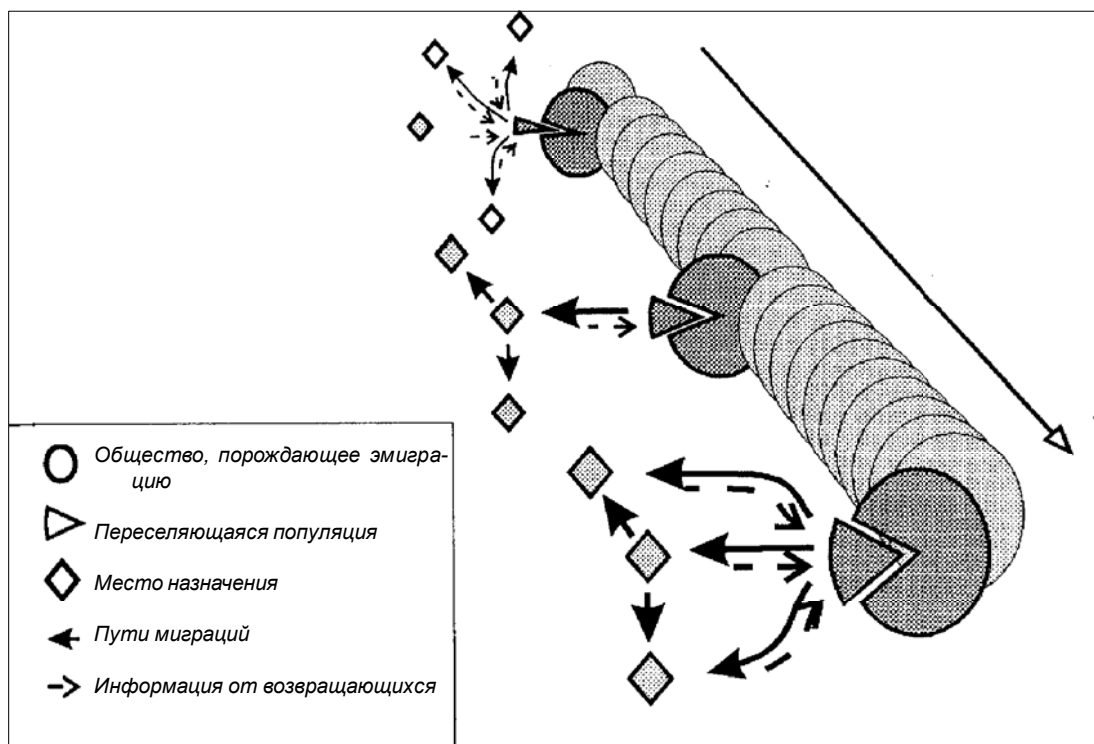

Рис. 7. Модель миграционного процесса по Штефану Бурмейстеру (Burmeister 1996: Abb. auf der Seite 19). Показан со стороны источника неоднократных миграций: на траектории существования этого общества некоторые фазы дают миграционные выбросы, а дочерние поселения сохраняют связи с основным очагом.

то и уничтожением старого населения или с его ассимиляцией и т.д. — все виды миграций оставят разные археологические следы.

12. Частные критерии. Вопрос об археологических критериях миграции должен решаться на первых порах для каждого класса миграций отдельно. Дело не в применимости или неприменимости каких-то критериев к тому или иному типу миграции. Критерии применимы к миграции вообще, ко всем типам миграции. Дело в положительном или отрицательном ответе на сформулированный в соответствии с данным критерием вопрос. Как показывает анализ Титова, ответ на один и тот же вопрос может оказаться положительным для разных типов миграции. И не все ответы должны оказаться положительными, чтобы можно было признать наличие миграции. Разные сочетания ответов могут оказаться свидетельствами миграции, но разных типов миграции.

Описывая инфильтрацию как вид миграции, Неуступны (Neustupny 1982) разбирает три археологических примера: культура шаровидных амфор в Чехии (ее носители, по Неуступному, живут на поселениях Ривначской культуры), культура шнуровой керамики в Латвии (на субнеолитических поселениях) и культура колоколовидных кубков в Венгрии (на поселениях культуры Мако). Упоминает еще и предположи-

тельное проживание людей со шнуровой керамикой на поселениях культуры Овернье в Швейцарии. К сожалению, он не приводит ни одного этнографического примера, хотя такие имеются. «Инфильтрация, как мы ее называем, не напоминает ничего подобного среди современных популяций» (Neustupny 1982: 290). Между тем, в этнографической литературе описаны случаи такого «симбиоза» — например, в Африке тано (тева) уже третий век живут среди хопи (Redfield 1961: 30).

Неуступны отмечает, что в археологии этот вид проявляется специфически: а) пришлое население не основывает собственных поселений, б) не теряет собственную культуру в течение многих поколений и в) равномерно покрывает обширные области. Слияние инфильтрировавшейся культуры с местной происходит после длительного периода сосуществования. Думается, что всех этих признаков вместе взятых маловато для констатации постулированного исследователем вида миграции. Требуется еще и обнаружение носителей обеих культур на одном и том же поселении.

Еще один признак инфильтрации, археологически улавливаемый, — мирное сосуществование обеих групп населения. В основе инфильтрации лежит сегментация племен. Отдельные семьи поселяются в качестве меньшинства среди инокультурного населения, но

сохраняют при этом свои социальные связи с другими семьями, переселившимися в соседние селения. Поскольку такая миграция была сравнительно легкой, мирной, бесконфликтной, она позволяла в случае демографического избытка в исходном очаге за короткий срок освоить обширные пространства по соседству. Результат же взаимодействия местной и пришлой культур зависит от их развитости, соответствия местной природе и количественного соотношения.

Неуступны признает, что при скудости археологических материалов следы инфильтрации будет трудно отличить от результатов торгово-обменных отношений. Еще сложнее будет идентифицировать инфильтрацию, если обе культуры известны только по погребениям. Исследователь считает, что это обстоятельство скрывает от наших глаз многие преисторические миграции. Он склонен подводить под постулированный им вид миграции многие ситуации первобытности, в частности неолитизацию Европы во многих случаях. Вероятно, еще более близка этому типу славянская колонизация лесной полосы и славянизация финских племен, хотя здесь пришельцы селились скорее всего отдельными поселениями.

Таков один из видов миграции и таковы его археологические признаки.

13. Структурный состав миграции и ее компоненты. Среди археологически фиксируемых признаков миграций можно будет различать признаки *большей или меньшей степени общности*. Можно будет увязать разные признаки с определенными видами миграций и рассматривать каждый вид миграции как комбинацию разных событий, оставляющих своеобразные следы. Собственно говоря, признаки должны быть приписаны не видам миграций непосредственно, а специфическим видам более частных событий, которые могут быть связаны с определенными видами миграций. Так что изучая археологические следы, мы выявляем лишь признаки определенных событий и по сочетанию этих признаков получаем в конце сочетание таких событий, а затем уже можно посмотреть, какой вид миграций состоит из таких событий.

Такие операции потребуют структурно-логического анализа каждого вида миграций как *системы событий*. Начинать, видимо, надо с общего понятия миграции. Так, в 1973 г. я отмечал (Клейн 1973: 3), что широкое понятие *миграции* включает в себя три крупных компонента: *эмиграция + переселение + иммиграция*. Для полноты спереди к ним можно было бы добавить предмиграционное состояние — мотивацию миграций, а сзади — последствия миграции. Кристиансен (Kristiansen 1991: 219) различает в каждой миграции (он предпочитает называть их «переселениями популяций» —

population movements) три основных компонента: вторжение чуждой группы («переселение»), путь миграции («связь») и материнскую культуру («происхождение»). Его «происхождение» приблизительно соответствует моей «эмиграции». «Переселение» у него оказывается в двух разных значениях, во втором оно равнозначно более употребительному «иммиграция» (ср. Myhre and Myhre 1972). Употребительное также понятие «инвазия» обозначает частный случай иммиграции — это массовая и насильственная разновидность иммиграции (ср. Adams et al. 1978: 488). Терминология Кристиансена неудобна, но само деление представляется мне рациональным. Скажем, в общее понятие «пути» (у Кристиансена «связь», у меня «переселение») войдут не только конкретные данные, но и категории прохождения: происходило ли оно на смежных землях или на расстоянии, на близкую или далекую дистанцию, прямо или «обходным» путем.

В борьбе против миграционизма Клайв Геймбл (Gamble 1993) анализом структуры передвижения популяции вообще подрывает само понятие миграции как объяснительного средства. Сходства на больших расстояниях в культуре палеолита он объясняет накоплением постоянных передвижений в следовании за дичью. Ссылаясь на Кларка и Линдли, К. Геймбл дает ряд определений понятиям, связанным с миграцией: «миграция» у этих исследователей — только дискретное кратковременное событие, включающее в себя движение из одного типа мест в другой между областями, различающимися по природной среде. Миграция у них только событие, тогда как передвижение может быть и процессом, а результат один. «Рассредоточение» («дисперсия») — более общий, но всё еще короткий во времени процесс распространения личностей или групп на незаселенные ими прежде территории. «Колонизация» — более широкомасштабный процесс расширения области существования некой группы, включающий в себя прочное освоение прежде не занятых данной группой территорий и не использованных ею ниш. И т. д.

Предложенные Геймблом модели, раскрывающие механизм таких передвижений для палеолита, вызвали опровержения (Ott 1993; Soffer 1993). Принятая им терминология также неудобна, так как игнорирует сложившуюся традицию словоупотребления: «миграция» — есть самый общий термин для переселения людей насовсем, употребляющийся независимо от различия областей. Что же касается продолжительности осуществления (событие или процесс), то, как можно было видеть, многие исследователи, занимавшиеся этой темой, в своих классификациях не отбрасывают постепенное длительное просачивание, считают его разновидностью миграции, тем более, что на микроуровне (применительно к отдельным людям

и семьям) трудно провести границу различия. И, что для археолога главное, на макроуровне мало различимы результаты. Если уж выделять миграции как только события, то тогда надо принять термин «передвижения» (или, как у Кристиансена, «переселения популяций») для общего обозначения и сделать именно это понятие главным объектом исследования. Всё сведется только к передвижке терминов.

Для анализа структуры пригодится предложение Титова — учесть разные соотношения культур пришедшей и местной при миграции. Именно это сделал для истории древнего мира (в основном III и II тыс. до н. э.) И. М. Дьяконов (1983). У него рассмотрены следующие типы изменений этнического состава в результате миграции: 1) полное истребление мигрантами местных жителей — он считает это возможным, только если последние были чрезвычайно малочисленны и слабы; 2) полное выселение с захваченной территории — мыслимо как а) самих мигрантов, так и б) вытеснение ими туземных жителей (это также исключительная редкость); 3) разреживание, т. е. частичное (иногда весьма сильное) истребление или вытеснение первоначального населения — это бывает в результате завоевания, но нет ясных данных, чтобы такие завоевания приводили к коренным этническим метаморфозам; 4) частичное насильственное смещение больших групп населения (массовая депортация) — это возможно лишь в условиях существования сильных государств и мощных средств принуждения; 5) частичные добровольные перемещения (как скотоводов, так и земледельцев). Последний тип возможен в трех вариантах: а) нашествия-набеги скотоводческих племен, совершавшиеся без женщин и с целью грабежа; б) захват мелких государств небольшими группами кочевников-скотоводов; в) добровольное смещение земледельческой популяции — уход части ее на смежные или заморские территории из-за возникновения избытка населения. Избытком

же населения вызван и еще один тип соотношений: 6) постепенное растекание населения из центра, где создался его избыток. Это бывает в земледельческих районах.

Более обобщенно разные последствия миграции классифицированы и показаны на схеме у Руиса Запатеро (рис. 8). На схеме перечислены: 1) «абсорбция» пришедшей культуры в местную, 2) «экстерминация» (истребление) местной культуры, 3) «ассимиляция» местной культуры, 4) «пространственно-временное сосуществование» обеих культур и 5) вытеснение и «замещение» местной культуры. Возможно представить и 6) «реставрация» — уничтожение или вытеснение пришедшей культуры. Каждое из этих соотношений оставит определенное сочетание археологических следов.

Именно увязка определенных категорий археологических фактов с определенными разновидностями событий как *структурными компонентами* миграции позволит перейти от накопления частных критериев разновидностей миграций к *общей теории археологических критериев миграций*.

Деление свидетельств на «прямые» и «косвенные» выступит сугубо относительным. Каждая категория сигналов о миграции окажется прямым свидетельством для одного из возможных структурных компонентов миграции (например, для демографического взрыва или для военного нашествия) и косвенным — для ряда других компонентов. А вот привело ли включение этого фактора в данном случае к переселению народа или его части и, наоборот, было ли оно необходимо для осуществления такого события (то есть дает ли его отсутствие право отрицать такое событие) — это уже зависит от места данного компонента во всей системе данной разновидности миграции.

Это зависит также и от того, в каких вообще разновидностях миграции он способен участвовать и способен ли он участвовать в иных системах событий — не миграционных. Вполне воз-

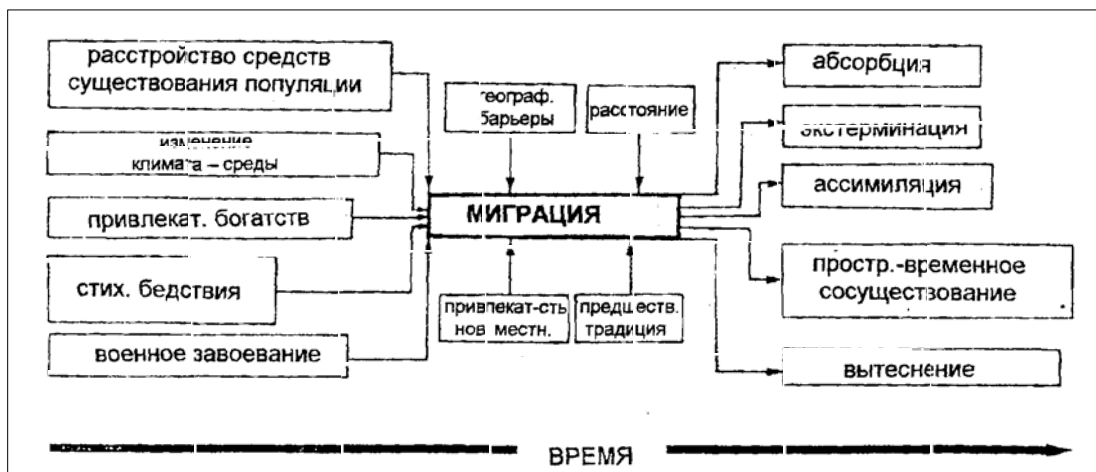

Рис. 8. Модель феномена миграции: причины, обстоятельства и последствия, по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: Fig. 1).

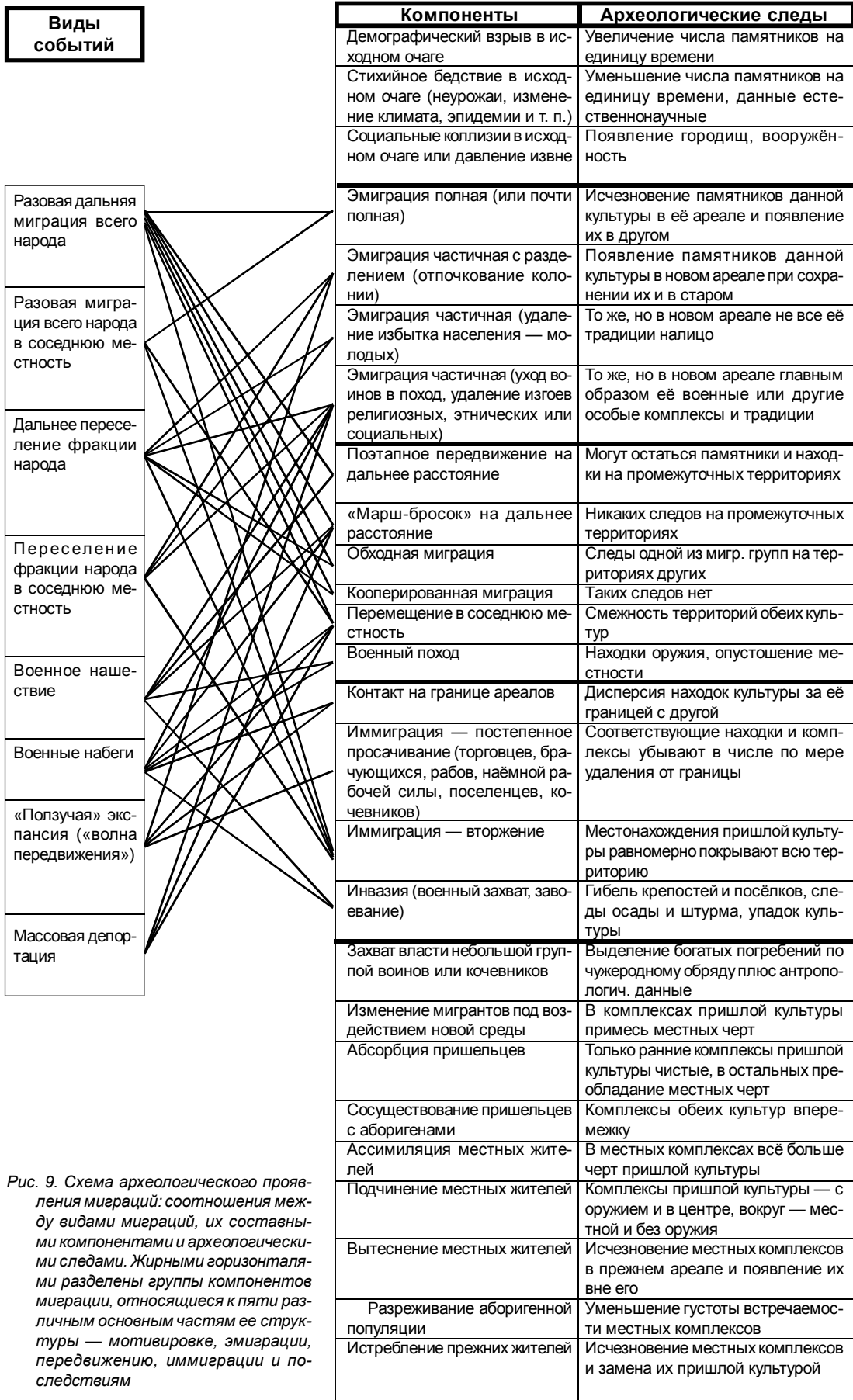

Рис. 9. Схема археологического проявления миграций: соотношения между видами миграций, их составными компонентами и археологическими следами. Жирными горизонталями разделены группы компонентов миграции, относящиеся к пяти различным основным частям ее структуры — мотивировке, эмиграции, передвижению, иммиграции и последствиям

можны случаи, когда наличные факты в силу их многозначности или из-за малочисленности неполностью удовлетворяют критериям доказанности миграции, но и не противоречат миграционной гипотезе.

С таким пониманием связан *отказ от любых презумпций* — как миграции, так и автохтонности или трансмиссии культуры. Каждая из этих гипотез должна доказываться особо, и невозможность в каком-то случае доказать одну из них не означает автоматического утверждения другой, а только повышает ее шансы на утверждение. Есть только одна презумпция в науке. Она гласит: если ничего не доказано, то ничего утверждать нельзя.

На моей таблице (рис. 9) представлены примерные соотношения между *видами миграций*, их *составными компонентами* и *археологическими следами* последних. Из компонентов первую группу составляют *причины миграций* — их выявление усиливает доказанность миграции, но не является необходимым и они не имеют строго избирательного распределения по видам миграции. Обычно они пополняют число косвенных доказательств. Вторую группу составляют разновидности выхода из исходного очага (*эмиграция*). Третью группу составляют разновидности *передвижения* из исходного очага в конечный. Четвертую группу составляют типы *иммиграции* — прибытия иноземцев в конечный очаг. Именно компоненты, входящие во вторую, третью и четвертую группы, распределены избирательно по видам миграции и сочетание их является определяющим для вида.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух М. С. 1970. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. Опыт историко-демографического исследования. Москва, Наука.
- Артамонов М. И. 1947. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 3: 68 — 82.
- Артамонов М. И. 1949. Этногеография Скифии. — Ученые записки ЛГУ, 85, Ленинград, : 129 — 171.
- Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории хуннов. Ленинград, изд. Ленинградского Университета.
- Богаевский Б. Л. 1931. К вопросу о теории миграций. Сообщения ГАИМК, 8: 35 — 38.
- Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. Москва, Наука.
- Брюсов А. Я. 1958. К вопросу об индоевропейской проблеме. — СА, 3: 18 — 26.
- Брюсов А. Я. 1961. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э. — СА, 3: 14 — 33.
- Брюсов А. Я. 1965. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. — СА, 2: 47 — 56.
- Брюсов А. Я. и Зимина М. П. 1966. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР (САИ В4-4). Москва, Наука.
- Брюсов А. Я. 1957. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. — СА, XXVII: 5 — 13.
- Геддон А. 1923. Переселение народов. Петербург — Москва, Книга.
- Гумилев Л. Н. 1967. Этнос как явление. Доклады отделений и комиссий Географического общества ССР. Л, изд. АН СССР: 90 — 97.
- Дьяконов И. М. 1983. Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. н. э.). — Древний Восток. Ереван, изд. АН Армянск. ССР: 5 — 22.
- Захарук Ю. Н. 1964. Проблеми археологічної культури. — Археологія (Київ), XVII: 12 — 42.
- Клейн Л. С. 1961. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. — СА, 2: 49 — 65.
- Клейн Л. С. 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. — Вестник ЛГУ, 2: 74 — 87.
- Клейн Л. С. 1963. Происхождение скифов-царских по археологическим данным. — СА (Москва), № 4: 27 — 35.
- Клейн Л. С. 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. — АСГЭ (Ленинград), вып. 8: 5 — 17.
- Клейн Л. С. 1968. Происхождение Донецкой катакомбной культуры. Л, ЛОИА АН СССР.
- Клейн Л. С. 1971. Феномен СМ III и вопрос о языке миссоисского письма А. — Вестник ЛГУ, 8: 110 — 113.
- Клейн Л. С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). Москва, 17 с.

Пятую группу составляют *последствия миграции* для мигрантов и аборигенов. Эти компоненты снова не имеют строго избирательного распределения по видам, они вносят спецификацию в любой вид.

Хотя компоненты миграции помещены на таблице в тесной увязке с археологическими следами (в широком смысле) и эти две колонки сомкнуты, на деле, строго говоря, такого сугубого соответствия нет, потому что события и вещи живой культуры не отлагаются в археологическом материале такими, какими они были. Между событиями, как и и вещами, живой культуры и их археологическими следами огромное расстояние во времени и множество разрушительных и искажающих процессов и факторов. Одинаковые события и вещи могут привести к разным археологическим следам, а остатки от разных событий и вещей могут столь упроститься и обедниться, что приобретут одинаковый вид.

Нужно также учесть, что, дабы избежать усложнения, на таблице совершенно не показаны те иные, не миграционные события (трансмиссионная диффузия, конвергентные местные инновации и т. п.), в которых могли участвовать по отдельности те же компоненты, которые в другом сочетании образуют миграцию. Не показаны и те иные компоненты, от которых могли остаться те же археологические следы. Доказательство и реконструкция миграции гораздо сложнее, чем это может представить любая схема, но схема позволяет ориентироваться в многообразии фактов и выбрать оптимальный путь доказательства и реконструкции.

- Клейн Л. С. 1974. Генераторы народов. — Древняя Сибирь, IV, Новосибирск, Наука: 126 — 134.
- Клейн Л. С. 1975. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — Вестник ЛГУ, № 8: 95 — 103.
- Клейн Л. С. 1980а. Откуда арии пришли в Индию?. — Вестник ЛГУ, № 20: 35 — 39.
- Клейн Л. С. 1980б. Третья гипотеза о происхождении скифов. — Народы Азии и Африки (Москва), № 6: 72 — 74.
- Клейн Л. С. 1984. От Дуная до Индии. Отражение урнового погребального обряда в фольклоре индоариев и проблема фригийской миграции. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Москва, ч. I: 35 — 37.
- Кнабе 1959. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА, 3: 243 — 257.
- Кожин П. М. 1964. О технике выделки фатьяновской керамики. — КСИА АН СССР, 101: 53 — 58.
- Косарев М. Ф. 1972. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. — СА, 4: 19 — 27.
- Кривевский Е. Ю. 1933. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. — Известия ГАИМК, 100: 158 — 202.
- Мейландер К. 1982. Финны — часть населения северо-востока Европы. — Финно-угорский сборник. Москва, Наука: 10 — 32.
- Мерперт Н. Я. 1978. Миграции эпохи неолита и энеолита. — СА, 3: 9 — 28.
- Мещанинов И. И. 1928. О доисторическом переселении народов. — Вестник Комкадемии, т. 29 (5): 190 — 238.
- Мещанинов И. И. 1931. Теория миграций и археология. — СГАИМК, 9 — 10: 33 — 39.
- Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М, Иностранная Литература.
- Погребова М. Н. 1977. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. — СА, № 2: 55 — 68.
- Сальников К. В. 1954. Андроновские поселения Зауралья. — СА, XX: 213 — 252.
- Титов В. С. 1982. К изучению миграций бронзового века. — Археология Старого и Нового Света. Москва, Наука: 89 — 145.
- Третьяков П. Н. 1962. Бологовское городище. — КСИА АН СССР, 87: 36 — 41.
- Формозов А. А. 1957. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 4: 66 — 74.
- Фосс М. Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР (МИА 29). Москва, изд. АН СССР.
- Членова Н. Л. 1963. Памятники переходного карасуктагарского времени в минусинской котловине. — СА, 3: 48 — 66.
- Членова 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Москва, Наука.
- Adams W. Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? — *Antiquity*, 42 (167): 194 — 215.
- Adams W. Y., Van Gerven D., Levy R. S. 1978. The retreat from migrationism. — *Annual Review of Anthropology*, 7: 483 — 532.
- Ammerman A. J. and Cavalli-Sforza L. L. 1979. The Wave of Advance Model for the spread of agriculture in Europe. — Renfrew C. (ed.). *Transformations: Mathematical approaches to culture change*. New York: 275 — 293.
- Anthony D. W. 1990. Migration in archaeology: the baby and the bathwater. — *American Anthropologist*, 92: 895 — 914.
- Anthony D. W. 1992. The bath refilled: migration in archaeology again. — *American Anthropologist*, 94: 174 — 176.
- Archäologische Informationen, 19, 1&2 (Völkerwanderungen — Migrationen).
- Borkovskij I. 1933. The origin of the culture with corded ware in Central Europe. — *Proceedings of the Prehistoric Congress (London 1932)*: 211 — 213.
- Braukamper U. 1992. Migration und ethnischer Wandel. Untersuchungen aus der ostlichen Sudanzone. Stuttgart.
- Braukamper U. 1996. Zum Verhältnis von Raum und Zeit bei Migrationen in Afrika. — *Archäologische Informationen*, 19, 1&2: 51 — 65.
- Burmeister S. 1996. Migration und ihre archäologische Nachweisbarkeit. — *Archäologische Informationen*, 19, 1&2: 13 — 21.
- Burton H. 1979. The arrival of the Celts in Ireland: archaeology and linguistics. — *Expedition*, 21 (3): 16 — 22.
- Childe V. G. 1926. *The Aryans*. London, Routledge.
- Childe V. G. 1950. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning (ser. A: Forelesninger 20).
- Clark J. G. D. 1966. The invasion hypothesis in British archaeology. — *Antiquity*, vol. 40, no. 159: 172 — 189.
- Clarke D. L. 1968. *Analytical archaeology*. London, Methuen.
- Cook R. M. 1960. Archaeological argument: some principle. — *Antiquity*, vol. XXXIV: 177 — 179.
- Cooke C. K. 1965. Evidence of human migration from the rock art of Southern Rhodesia. — *Africa*, 35 (3): 263 — 285.
- Deetz J. 1965. The dynamic of the stylistic change in the Arikara ceramics (Illinoise studies in anthropology, 4).
- Deetz J. 1968. Cultural patterning of behavior as reflected by archaeological materials. — Chang K. C. (ed.). *Settlement archaeology*. Palo Alto, Calif., National Press: 31 — 42.
- Dehn W. 1979. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen. — Duval P. M. et Kruta V. (eds.). *Les mouvements celtiques du V-e au I-e siècle avant notre ère (IX Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques)*. Paris: 15 — 20.
- Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. — Dauer A. und Kirchner H. (Hrsg.). *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift)*. Heidelberg, Winter.
- Eggers H.-J. 1959. *Einführung in die Vorgeschichte*. München, Piper.
- Ford J. 1954. The type concept revisited. — *American Anthropologist*, vol. 56: 42 — 54.
- Frobenius L. 1898. *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*. Berlin, Gebr. Bourntraeger.
- Gallay A. 1981. The western Alps from 2500 to 1500 bc (3400 to 2500 BC), tradition and cultural changes. — *Journal of Indo-European Studies*, 9.
- Gamble C. 1992. Ancestors and agendas. — Yoffee N. and Shaerratt A. (eds.). *Archaeological theory — who sets the agenda?* Cambridge, Cambridge University Press: 39 — 51.
- Gamble C. 1993. People on the move: interpretations of regional variation. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). *Cultural transformations and interactions in Eastern Europe*. Avebury, Ashgate Publ.: 37 — 55.
- Gejvall N.-G. 1955. Vittnesbord om folkvandringar. — *Fornvannen*, 50: 19 — 21.
- Gifford E. W. 1928. Pottery making in the South-West. — *Publication of American Archaeology and Ethnology (University of California)*, vol. 23, pt. 8: 353 — 373.
- Gimbutas M. 1961. Notes on the chronology and the expansion of the Pit-grave culture. — *L'Europe à la fin*

- de l'âge de la pierre. Praha, (d. de l'Acad. tchécoslovaque des Sciences: 193 — 200.
- Gimbutas M. 1979. The three waves of the Kurgan people into Old Europe, 4500 — 2500 B. C. — *Archives suisses d'anthropologie générale* (Geneve), 43 (2): 240 — 269.
- Gjessing G. 1955. Vittnesbord om folkvandringar. — *Fornvannen*, 50: 1 — 10.
- Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinavien. Berlin, De Gruyter.
- Haddon A. C. 1911. The wanderings of peoples. Cambridge, Cambridge University Press.
- Harke H. 1998. Archaeologists and migration: a problem of attitude. — *Current Anthropology*, vol. 38, no. 5: 19 — 45.
- Haury E. W. 1958. Evidence at Point of Pines for a prehistoric migration from Northern Arizona. — Thompson R. H. (ed.). *Migrations in New World culture history*. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27): 1 — 6.
- Hawkes 1987. Archaeologists and Indo-Europeanists: can they mate? Hindrances and hopes. — Skomal S. N. and Polom(E. C. (eds.). *Proto-Indoeuropeans: The archaeology of a linguistic problem*. Studies in honour of Marija Gimbutas. Washington, D. C., Institute for the Study of Man: 203 — 215.
- Heape W. 1931. Emigration, migration and nomadism. Cambridge, Hoffer & Sons.
- Herteig A. E. 1955. Er Volkvandringstidningens ekspansion i Rogaland båret av invanderere eller er den et indre anliggende? — *Viking*, 19: 73 — 88.
- Hertz F. 1930. Die Wanderungen, ihre Typen und ihre geschichtliche Bedeutung. — *Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie*, 8: 36
- Hochholzer H. 1959. Typologie und Dynamik der Völkerwanderungen. — *Die Welt als Geschichte*, 19, H. 3/4: 129 — 145.
- Honigshaim P. 1928. Die Wanderung. — *Verhandlungen d. 6. Deutschen Soziologentages*, Zurich, Tubingen.
- Huffman T. N. 1970. The Early Iron Ageansd the Bantu. — *South African Archaeological Bulletin*, 25: 3 — 21.
- Jackson J. W. 1917. Shells as evidence of the migrations of early culture. Manchester, Manchester University Press.
- James E. O. 1957. Prehistoric religion. A study in prehistoric archaeology. New York.
- Lee E. S. 1966. A theory of migration. — *Demography*, 3: 47 — 57.
- Klejn L. S.. 1963. A brief validation of the migration hypothesis with the respect to the origin of the Catacomb culture. — *Soviet Archeology and anthropology* (New York), vol. I, no. 4: 27 — 36.
- Klejn L. S. 1967. Zagadka grobów katakumbowych rozwiązana? — *Z otchłani wieków*, r. XXXIII, zes. 4: 212 — 222.
- Klejn L. S. 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. — *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* (Halle), Bd. 58, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974, S. 7 — 55.
- Klejn L. S. 1976. Das Neolithikum Europas als ein Ganzes. — *Jahresbuch für mitteldeutsche Vorgeschichte*, Bd. 60: 9 — 22.
- Klejn L. S. 1977. A panorama of theoretical archaeology. — *Current Anthropology* (Chicago), vol. 18, no. 1: 1 — 42.
- Klejn L. S. 1981. Ethnogenese als Kulturgeschichte archäologisch betrachtet. Neue Einstellung. — *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* (Coblenz-Festschrift). Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, Teil 1, S. 13 — 25.
- Klejn L. S. 1984. The coming of Aryans: who and whence? — *Bulletin of the Deccan College Research Institute* (Pune), vol. 43: 57 — 72.
- Kehoe A. B. 1959. Ceramic affiliations in the Northwestern plains. — *American Antiquity*, vol. 25, no. 2: 237 — 246.
- Kolmann W. 1976. Versuch des Entwurfs einer historisch-soziologischen Wanderungstheorie. — Engelhardt U. (Hrsg.). *Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt*. Stuttgart, Ernst Klett.
- Kossinna G. 1905. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. — *Zeitschrift für Ethnologie*, Jg. XXXVII, H. II u. III: 369 — 407, H. IV: 596 — 599.
- Kossinna G. 1911. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, Curt Kabitzsch.
- Kristiansen K. 1991. Prehistoric migrations — the case of the Single Grave and Corded Ware cultures. — *Journal of Danish Archaeology*, vol. 8 (1989): 211 — 225.
- Kulischer E. und A. 1932. *Kriegs- und Wanderzüge*. Berlin — Leipzig, De Gruyter.
- Kurth G. 1963. Der Wanderungsbegriff in Prähistorie und Kulturgeschichte unter paläodemographischen und bevölkerungsbiologischen Gesichtspunkten. — *Alt-Thüringen*, Bd. 6. Weimar, 1 — 21.
- Livingston F. B. 1964. Human populations. — Tax S. (ed.). *Horizons of anthropology*. Chicago, Aldine Publ. Co.: 60 — 70.
- Malmer M. 1962. *Jungneolithische Studien*. Bonn, Habelt — Lund, Gleerup.
- Mandera H. E. 1957. *Besprechung K. Struve*. — *Germania*, Jg. 35, H. 1/2: 128 — 131.
- Mellaart J. 1966. The Chalkolithic and Early bronze age in the near east and Anatolia. Beirut, Khayats.
- Mortensen M. 1992. Migration as a process. — *Universitets Oldsak Skrifter*, 14: 155 — 166.
- Myhre M. and Myhre B. 1972. The concept «Immigrations» in archaeological contexts illustrated by example from West Norwegian Early Iron Age. — *Norwegian Archaeological Revue*, v. 5, no. 1: 45 — 70.
- Neustupny E. 1981. Mobilität der Äneolithischen Populationen. — *Slovenska archeologia*, XXIX-1: 111 — 119.
- Neustupny E. 1982. Prehistoric migrations by infiltration. — *Archeologické Rozhledy*, 34: 278 — 293.
- Olausson D. 1988. Dots on a map. — *Trade and exchange in prehistory: Studies in honour of Berta Stjernquist* (*Acta Archaeologica Lundensia*, ser.n 80, No. 16). Lund: 15 — 24.
- Ott M. 1993. Upper Palaeolithic relations between Central and Eastern Europe. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). *Cultural transformations and interactions in Eastern Europe*. Avebury, Ashgate Publ.: 56 — 64.
- Palmer L. R. 1961. *Mycenaeans and Minoans*. London, Faber and Faber.
- Penk A. 1936. *Völkerbewegungen und Völkerwanderungen*. — *Forschungen und Fortschritte*, Bd. 12: 274 — 275.
- Preidel H. 1928. Grundsatzliches zur Erschließung urgeschichtlicher Wanderungen. — *Kossinna-Festschrift* (Mannus, 6. Ergänz. Bd.): 278 — 283.
- Ratzel F. 1912. *Anthropogeographie*, 2. Teil, 2. Auflage. Stuttgart, J. Engelholm (orig. 1882 — 91).
- Ravenstein E. G. 1885, 1889. The laws of migration. — *Journal of the Royal Statistical Society*, 48: 167 — 227; 52: 241 — 301.
- Redfield R. 1961. *Ethnic relations, primitive and civilised*. — *Race relations: Problems and theory*. New York.
- Renfrew C. 1967. Colonialism and megalithism. — *Antiquity*, vol. 41: 276 — 288.

- Renfrew C. 1969. Trade and culture process in European prehistory. — *Current Anthropology*, vol. 10, no. 2 — 3: 151 — 169.
- Renfrew C. 1973. Problems in the general correlation of archaeological and linguistic strata in prehistoric Greece: the model of autochthonous origin. — Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). *Bronze Age migrations in the Aegean*. London, Duckworth — Totowa, New Jersey: 263 — 276.
- Rouse I. B. 1958. The inference of migrations from anthropological evidence. — Thompson R. H. (ed.). *Migrations in New World culture history*. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27): 63 — 68.
- Rouse I. B. 1986. *Migrations in prehistory. Inferring population movement from cultural remains*. New Haven and London, Yale University Press (repr. 1989).
- Ruiz Zapatero G. 1983. Modelos teóricos de invasiones/migraciones en arqueología prehistórica. — *Tutormació Arqueologica*, 41: 147 — 157.
- Skjølsvold A. 1981. I hvilken utstrekning kan arkeologisk materiale kaste lys over folkefortytninger i Nordens forhistorie (To what extent can archaeological material provide information concerning prehistoric migrations in the Nordic area). — *UO Erbok* 1980 — 81: 145 — 157.
- Schlette F. 1977. Zum Problem ur- und frühgeschichtlicher Wanderungen und ihres archäologischen Nachweises. — Horst F. (Hrsg.). (Titelhrsg. Herrmann J.). *Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen*. (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte 30. Festschrift K.-H. Otto). Berlin, Akademie-Verlag: 57 — 66.
- Schuchhardt C. 1926. *Alteuropa*. 2. Aufl. Berlin — Leipzig, De Gruyter.
- Shennan S. (ed.). 1988. *Archaeological approaches to cultural identity*. London, Routledge.
- Shilov V. P. 1989. The origins of migration and animal husbandry in the steppes of Eastern Europe. — Clutton-Brock J. (ed.). *The walking larder: patterns of domestication, pastoralism and predation*. London, Unwinn Hyman: 119 — 125.
- Smith G. E. 1929. *The migrations of early culture*. Manchester, Publications of the University of Manchester (Ethnological Ser., no. 1).
- Soffer O. 1993. Migrations vs interaction in Upper Palaeolithic Europe. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). *Cultural transformations and interactions in Eastern Europe*. Avebury, Ashgate Publ.: 65 — 70.
- Sorre M. 1954. *Les migrations des peuples*. Paris, Flammarion.
- Thompson R. H. 1958. Preface. — Thompson R. H. (ed.). *Migrations in New World culture history*. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27).
- Tischler F. 1948. Die menschliche Beharrungstendenz und die urchenzeitlichen Völkerwanderungen in ihrer Beziehung zur Umwelt. — *Forschungen und Fortschritte*, Bd. 24: 28 — 32.
- Trigger B. G. 1968. *Beyond history: the methods of prehistory*. New York, Holt, Rinehart & Winston.
- Trigger B. G. 1970. Aims in prehistoric archaeology. — *Antiquity*, vol. XLIV, no. 173: 26 — 37.
- Tymieniecki K. 1952. Migracje w Europie śródkowo-wschodniej i wschodniej w starożytności. — *Slavia Antiqua*, t. III. Późnań: 1 — 51.
- Wace A. J. B. and Blegen C. W. 1939. Pottery as evidence for trade and colonization. — *Klio*, 32: 131 — 147.
- Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. — *Sitzungsberichten der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse*, 1940/41, Abh. 2.
- Washburn S. L. 1953. The strategy of physical anthropology. — Kroeber A. L. (ed.). *Anthropology today*. Chicago, Chicago University Press: 714 — 727.
- Wells P. S. 1987. Review of I. Rouse. — *American Archaeological Journal*, vol. 91: 332 — 333.
- Wheeler M. 1952. Archaeology and the transmission of ideas. — *Antiquity*, vol. XXVI, no. 104: 180 — 192.
- Willey G. 1953. A pattern of diffusion — acculturation. — *Southwestern Journal of Anthropology*, vol. 11X: 369 — 384.
- Willey G. R. et al. 1956. An archaeological classification of culture contact situations (Seminars in archaeology 1955: *Memoirs of the Society for American Archaeology*. Vol. XXVII, no. 2, pt. 2. Salt Lake City).
- Zamojski J. E. 1995. Migracje masowe — czynnik przemian społeczeństw współczesnych. — *Migracje i społeczeństwo*. Warszawa.